

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2026.33.99.021

Интерпретация возрастных аспектов женской рецидивной делинквентности в системе исполнения наказаний и постпенитенциарной ресоциализации

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Новикова-Слабкая Вассилиана Алексеевна

Обучающаяся Института педагогики и психологии,
Московский педагогический государственный университет,
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1;
e-mail: vassiliana07@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен критическому пересмотру познавательной ценности хронологического возраста как универсальной детерминанты противоправного поведения в контексте женской рецидивной делинквентности. Аргументируется несостоятельность объяснительных моделей и обосновывает необходимость перехода к системной парадигме, интегрирующей данные нейрокогнитивных исследований, психиатрии и социальной психологии. Обосновывается необходимость отказа от унифицированных подходов к ресоциализации осужденных женщин, демонстрируется, что возрастные когорты (молодой, средний, поздний репродуктивный периоды) обладают существенно различающимися криминогенными профилями, мотивационными структурами и реабилитационным потенциалом. В работе выявлены нелинейные эффекты возрастной динамики для групп 18–25, 30–45 и старше 50 лет. Полученные результаты эксплицируют необходимость разработки возрастнo-дифференцированных и гендерно-

чувствительных интервенций в системе исполнения наказаний и постпенитенциарной ресоциализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Слабкая Д.Н., Новикова-Слабкая В.А. Интерпретация возрастных аспектов женской рецидивной делинквентности в системе исполнения наказаний и постпенитенциарной ресоциализации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 230-239. DOI: 10.34670/AR.2026.33.99.021

Ключевые слова

Женская рецидивная преступность, возрастная динамика, нейрокогнитивные изменения, гендерно-специфические факторы, материнство, цифровой разрыв, трансгенерационная передача, возрастно-дифференцированные интервенции, постпенитенциарная ресоциализация.

Введение

В криминологической традиции возраст традиционно рассматривается в качестве одного из наиболее явных предикторов противоправного поведения, однако применительно к феномену женской рецидивной делинквентности в условиях социальной динамики данный фактор требует фундаментальной теоретической и эмпирической ревизии [Gibbs, Beaver, 2026; Graber, Petersen, 2017]. Отправной точкой критического пересмотра служит сам феномен возрастной динамики преступности, который в криминологических школах описывается посредством возрастно-преступного вектора, демонстрирующего пик правонарушений в подростково-юношеском периоде с последующим закономерным спадом по мере наступления зрелости [Мирюкова, Терскова, 2020]. Гендерно-чувствительный взгляд, активно внедряемый в научный оборот в текущем десятилетии, выявляет существенную неполноту данной модели при экстраполяции на женские когорты. Женская делинквентность характеризуется более поздним возрастом начала противоправной деятельности, более выраженной зависимостью с межличностными отношениями и значительной зависимостью от совокупности условий, включая наличие несовершеннолетних иждивенцев, характер супружеских отношений и перенесенный опыт виктимизации [Джюман и др., 2012]. В свете этих эмпирических обобщений возраст утрачивает статус простого хронологического индикатора и трансформируется в показатель накопленного жизненного опыта, включая травматические эпизоды, эпизоды злоупотребления психоактивными веществами и историю взаимодействия с системами формального социального контроля [Allen et al., 2022; Gibbs, Beaver, 2026].

Основная часть

Нейрокогнитивный компонент возрастной динамики приобретает повышенную значимость в контексте женского рецидива ввиду высокой распространенности среди женщин с криминальным анамнезом черепно-мозговых травм, аффективных расстройств атипичного течения и посттравматических стрессовых состояний. Возрастные дегенеративные изменения префронтальной коры, обеспечивающей исполнительный контроль и подавление

импульсивных реакций, у женщин с историей антисоциального поведения протекают иначе, чем у женщин без криминального анамнеза. Это связывается с хроническим нейровоспалительными процессами, вызванными длительным дистрессом.

В возрастном интервале 18–25 лет, квалифицируемом в пенитенциарной психологии как поздний подростково-юношеский период, доминирующим предиктором рецидива выступает импульсивность. Ее влияние усиливается антисоциальными личностными чертами, формирующими синдром ускоренного взросления. Женщины данной когорты демонстрируют поведенческие паттерны, внешне сопоставимые с паттернами более старших мужчин-правонарушителей, но отличающиеся по механизмам эмоциональной регуляции. Высокая пластичность нейронных сетей в этом возрасте создает одновременно уязвимость к криминальному научению в условиях субкультуры пенитенциарных учреждений и повышенную восприимчивость к психокоррекционным вмешательствам при условии их реализации в течение первых 2-3 лет после возвращения в открытую социальную среду [Allen et al., 2022; Blair, 2024; Mens et al., 2025].

Лонгитюдные панельные исследования демонстрируют, что возраст женщины на момент прекращения действия мер уголовно-правового характера вступает в сложное взаимодействие с длительностью предыдущих периодов изоляции, порождая феномен институционального старения [Gibbs, Beaver, 2026]. Длительное пребывание в условиях изоляции от общества не только усиливает биологические и социальные процессы старения, но и в значительной степени нивелирует протективный (защитающий) эффект зрелого возраста. При переходе к периоду средней взрослости, охватывающему возрастную диапозон от 30 до 45 пяти лет, нейрокогнитивное развитие достигает своей завершенности, однако именно на этом этапе актуализируются социально-опосредованные эффекты возраста, связанные с изменениями в репродуктивной функции и гормональном балансе. Данный возраст ассоциируется с повышением раздражительности, эмоциональной лабильностью и снижением толерантности к фрустрирующим стимулам, причем у женщин, имеющих криминальный анамнез, эти гормональные сдвиги накладываются на уже существующие аффективные расстройства и синдромы зависимости от психоактивных веществ, создавая специфический паттерн возрастного обострения [Батыршина, Шарафиева, 2023]. В этом контексте рецидивное правонарушение перестает быть преимущественно следствием инструментальной импульсивности выступает результатом дефицита адаптивных копинг-стратегий в условиях возрастного кризиса идентичности. Возраст здесь начинает опосредовать влияние образовательного фактора: для женщин средней взрослости, имеющих низкий уровень формального образования и ограниченный трудовой стаж, кризис «середины жизни» усугубляется осознанием бесперспективности профессиональной самореализации, что закономерно снижает мотивацию к соблюдению правовых норм и повышает «привлекательность» противоправных доходов как средства достижения материальной независимости.

Особого аналитического внимания заслуживает старшая возрастная группа 50 и более лет. В традиционных криминологических моделях эта категория рассматривается как наименее опасная в рецидивном отношении, однако эмпирическая база 2020-х годов вносит в данное представление существенные коррективы. Прежде всего, в данной группе фиксируется феномен «позднего дебюта», когда первое правонарушение, включая тяжкие посягательства против личности, совершается женщиной в возрасте старше пятидесяти лет, что интерпретируется как следствие кумулятивного эффекта хронической виктимизации в семейно-бытовой сфере и

исчерпания адаптивных ресурсов. Параллельно с этим женщины старшей возрастной когорты, имеющие продолжительную историю взаимодействия с пенитенциарной системой, демонстрируют повышенные показатели рецидива, обусловленные не столько импульсивностью или антисоциальными диспозициями, сколько прогрессирующей утратой социальных связей и отсутствием семейной поддержки. Данный факт заставляет переосмыслить возраст как универсальный защитный фактор: его протективный потенциал реализуется лишь при наличии устойчивых социальных ролей и относительного материального благополучия. В подобном состоянии женщина зачастую не столько сознательно выбирает криминальный путь, сколько оказывается неспособной к рациональному планированию собственных действий и прогнозированию их отдаленных последствий, что имеет критическое значение для прогностических моделей, особенно у женщин старшей возрастной группы с длительным стажем употребления психоактивных веществ.

У женщин молодого возраста каждая дополнительная мера принудительной изоляции показательно увеличивает риск рецидива, что объясняется феноменом криминального воздействия в среде сверстников-правонарушителей и прогрессирующим ослаблением связей с просоциальными институтами такими как образование, занятость и семья. Напротив, у женщин старшего возраста тот же показатель прироста числа эпизодов изоляции оказывает менее выраженное, но более устойчивое воздействие на риск повторных правонарушений, что связывается с формированием хронической маргинализации и утратой даже тех минимальных социальных навыков, которые необходимы для адаптации в открытом социуме. Наиболее драматичный эффект наблюдается в подгруппе женщин, чья первая изоляция произошла в возрасте до 21 года, а последующая жизнь была отмечена серией повторных помещений в учреждения закрытого типа: для них пенитенциарная система перестает восприниматься как реакция на правонарушение и становится альтернативной формой социального существования, где возрастные изменения осмысляются через призму субкультурных норм и внутренней иерархии. Возраст в этом контексте перестает быть линейным предиктором и трансформируется в маркер длительности пребывания в криминальной субкультуре, которая обладает собственными социальными механизмами, включая ритуалы возрастного статуса и передачу криминального опыта от более старших женщин к младшим, что делает возраст фактором не только риска, но и специфического социального капитала внутри данной среды [Косячок, Степанова, 2021].

Гендерно-специфические возрастные эффекты, ассоциированные с материнством, рассматриваются как буфер против рецидива, однако его возможности варьируется в зависимости от возраста матери и возрастной стадии развития детей. Молодые матери, особенно подросткового возраста, напротив, демонстрируют повышенный риск рецидива, поскольку материнство в условиях социальной изоляции и экономической депривации становится дополнительным стрессогенным фактором, подталкивающим к поиску быстрых противоправных заработков. Женщины, реализовавшие репродуктивную функцию в более зрелом возрасте и имевшие относительно устойчивое экономическое положение до первого эпизода изоляции от общества, используют материнскую идентичность как мотивационный ресурс для воздержания от повторных правонарушений. Однако данная закономерность нарушается в случаях, когда дети находятся в системе государственного попечительства или у родственников, не разделяющих просоциальных установок, что нивелирует протективный эффект как возраста, так и материнского статуса, замещая его чувством безнадежности и отчуждения от собственной родительской роли. Анализ жизненных траекторий показывает, что наиболее критическим периодом является момент воссоединения матери с детьми после

освобождения, который для женщин старшей возрастной группы часто совпадает с этапом взросления детей и их сепарационного кризиса, порождая межпоколенческий конфликт, способный спровоцировать рецидив в качестве реакции на отвержение со стороны потомства [Маленова, Потапова, 2012].

Образовательный фактор, традиционно трактуемый в общей криминологической теории как стабильный негативный предиктор рецидива, в возрастной перспективе обнаруживает нелинейные взаимодействия, требующие самостоятельного концептуального осмысления. Для женщин младшей возрастной группы образование выступает фактором дифференциации, отделяющим тех, кто обладает потенциалом для ресоциализации через профессиональное обучение и последующее трудоустройство, от тех, кто лишен этой возможности вследствие когнитивных или мотивационных дефицитов. При этом хронологический возраст получения образования имеет большее значение, чем сам по себе уровень образовательного ценза: образование, полученное в молодости, до первого эпизода изоляции, обладает существенно большим ресоциализационным потенциалом по сравнению с образованием, приобретенным в стенах пенитенциарного учреждений в зрелые годы. Данный феномен объясняется тем, что формальное образование, полученное в условиях принудительной изоляции, как правило не сопровождается развитием социальных и профессиональных связей, необходимых для его успешной конвертации на открытом рынке труда, и, более того, может формировать у женщины искаженные представления о собственной квалификации, что ведет к фрустрации при столкновении с требованиями работодателей. Для женщин средней и старшей возрастных групп образование играет роль не столько профессионального, сколько психотерапевтического ресурса: учебная деятельность в зрелом возрасте способствует частичному восстановлению когнитивных функций и повышению самооценки, однако эмпирические данные указывают на временный характер этого эффекта, который не трансформируется в устойчивое законопослушное поведение без одновременного решения фундаментальных жилищных и семейных проблем.

Социологическая интерпретация возрастных эффектов в рецидивной преступности женщин неизбежно апеллирует к концепции социального времени и возраста. Согласно данной парадигме, возрастные нормы и социальные ожидания в различных группах существенно различаются: женщины с низким социально-экономическим статусом, составляющие большинство среди лиц, прошедших через пенитенциарную систему, сталкиваются с ускоренным социальным старением, когда уже к сорока годам их жизненный ресурс оценивается как исчерпанный, а шансы на трудоустройство и создание семьи приравниваются к нулю. Это порождает феномен «сожженных мостов», при котором женщина перестает инвестировать в свое будущее и сосредотачивается на текущем выживании любыми доступными средствами, включая рецидивные правонарушения. Напротив, для женщин из более благополучных социальных групп, даже имеющих криминальную историю, возраст функционирует как социальный ресурс, поскольку зрелый возраст ассоциируется у работодателей с ответственностью и опытом, что открывает доступ к легальной занятости, недоступной для молодых женщин с судимостью, чьи перспективы ограничиваются низкоквалифицированным трудом. Данное социальное неравенство в возможностях реализации возрастного капитала является тем латентным механизмом, который в значительной степени нивелирует биологические эффекты возраста и должен учитываться при разработке индивидуализированных программ ресоциализации, ориентированных не на общий возрастной тренд, а на конкретную возрастно-стративную конфигурацию [Семенова, 2004].

Структурные детерминанты возрастной уязвимости требуют отдельного рассмотрения, поскольку анализ возрастного эффекта в женском рецидиве меняется в зависимости от фазы экономического цикла. Бытовые и жилищные трудности представляют собой фактор, который для женщин в возрасте от 30 до 45 лет оказывается более сильным предиктором рецидива, чем импульсивность, поскольку потеря жилья за время изоляции в условиях современной экономической конъюнктуры становится практически невозполнимой. Возраст здесь взаимодействует с рыночной ценой труда: женщины старше 50 лет вытесняются с рынка, а молодые женщины в возрасте от 18 до 25 лет сталкиваются с конкуренцией со стороны мигрантов, что существенно ограничивает их легальные экономические перспективы.

Анализ выявляет, что возраст по-разному влияет на рецидив в зависимости от пропорции криминальных контактов в социальной сети: для женщин в возрасте от 18 до 25 лет доминируют связи с женщинами-сверстницами, тогда как для когорты старше 45 лет определяющее значение приобретают связи с криминальными партнерами-мужчинами. Учет этих характеристик позволяет преодолеть индивидуалистический подход и учесть природу женского рецидива, где социальные связи и их структура играют не меньшую роль, чем индивидуальные психологические характеристики.

Цифровая экосистема и техно-возрастной разрыв представляют собой абсолютно новое измерение, которое приобретает критическое значение в период тотальной цифровизации контроля, коммуникаций и рынка труда. Цифровая грамотность становится дифференцирующим фактором: для женщин в возрасте от 18 до 25 лет цифровые навыки выступают одновременно инструментом легального заработка через фриланс и маркетплейсы и потенциальным риском вовлечения в кибермошенничество, тогда как для когорты старше 50 лет цифровая некомпетентность превращается в барьер, изолирующий от банковских услуг, медицинских записей и социальных выплат, что провоцирует рецидив через неоформление полагающихся льгот и пособий. Системы мониторинга и цифрового надзора, включая электронные браслеты, приложения для отслеживания и автоматические штрафы за нарушения, по-разному воспринимаются различными возрастными группами: молодые женщины адаптируются к цифровому надзору значительно быстрее, тогда как женщины старшего возраста систематически нарушают требования из-за технической тревожности и недостатка навыков, что искусственно завышает статистику рецидива в данной возрастной группе.

Практические выводы проведенного анализа требуют пересмотра существующих алгоритмов оценки риска рецидива в пользу внедрения возрастно-ориентированных модулей, включающих нейропсихологическое тестирование для женщин младшей и старшей возрастных групп, углубленную оценку семейного статуса и родительских функций для средней группы, а также обязательный психиатрический скрининг на предмет возрастных когнитивных нарушений для женщин старше 50 лет [Allen et al., 2022]. Программы ресоциализации должны учитывать возрастную специфику мотивационных установок: для молодых женщин ключевым мотиватором выступает получение профессионального образования и автономное проживание вдали от криминогенной среды; для женщин средней взрослости приоритетное значение приобретают восстановление или укрепление связей с детьми и поиск стабильной занятости с социальным пакетом; для пожилых женщин – доступная медицинская помощь, жилищное обеспечение и включение в группы взаимопомощи, компенсирующие утрату семейных связей. Такой дифференцированный подход требует не только существенных ресурсных затрат, но и переподготовки специалистов пенитенциарной и постпенитенциарной системы, которые должны владеть компетенциями в области возрастной психологии, гериатрической

психиатрии и методов мотивационного консультирования, адаптированных к разным возрастным когортам.

Заключение

Возраст, будучи неотъемлемой переменной любого криминологического прогноза, в приложении к женской рецидивной преступности требует концептуальной переработки. В данном контексте возраст интерпретируется как интегратор биологических, психологических и социальных процессов, каждый из которых может как усиливать, так и ослаблять риск повторного правонарушения в зависимости от конкретной жизненной ситуации женщины.

Следует подчеркнуть: возраст – это не фатальный прогноз, а ресурс, если система способна его увидеть. Дифференциация интервенций на основе возрастных аспектов женской рецидивной делинквентности означает переход от логики наказания к логике сопровождения жизненного цикла. Такая парадигма требует от пенитенциарных и постпенитенциарных служб принципиально иной компетентности: геронтологической, перинатальной и возрастной психологической. Учет возраста это этическое требование справедливости, без которой любые исправительные программы превращаются в воспроизводство насилия.

Библиография

1. Батыршина, А. Р. Историко-психологический обзор концепций периодизации ранней взрослости в истории психологии / А. Р. Батыршина, И. И. Шарафиева // Гуманизация образования. – 2023. – № 3. – С. 15-27. – DOI 10.24412/1029-3388-2023-3-15-27.
2. Елагина, А. С. Влияние инвестиций в улучшение пенитенциарных учреждений на уровень повторной преступности: мета-анализ зарубежных исследований / А. С. Елагина, А. В. Новиков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 8-1. – С. 590-597. – DOI 10.34670/AR.2025.35.74.064.
3. Косячок, П. Д. К вопросу о криминальной субкультуре и криминальной зараженности в исправительных учреждениях для осужденных женщин / П. Д. Косячок, Д. Ю. Степанова // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2021. – № 2(8). – С. 39-44.
4. Маленова, А. Ю. Социально-психологические факторы преодоления матерями кризиса сепарации: гендерный аспект / А. Ю. Маленова, Ю. В. Потапова // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2012. – № 2. С. 43-48.
5. Модели гендерной делинквентности / Е. М. Дзюман, С. Б. Целиковский, Т. А. Котова, О. Ю. Михайлова // Российский психологический журнал. – 2012. – Т. 9, № 3. – С. 41-48.
6. Мирюкова, М. А. Социологический анализ подростковой делинквентности в контексте социальных институтов: по материалам социологического исследования / М. А. Мирюкова, С. Г. Терскова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 3(71). – С. 50-56. – DOI 10.24158/spp.2020.3.6.
7. Москвитина, М. М. Психолого-педагогическое сопровождение беременных осужденных. Примерная программа индивидуальной работы / М. М. Москвитина, Б. Г. Бовин, А. В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10, № 4-1. – С. 148-157. – DOI 10.34670/AR.2021.24.92.008.
8. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Специфика осужденных женского пола, отбывающими наказание за преступления террористической и экстремистской направленности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 5-1. С. 143-148. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.007
9. Новиков, А. В. Рецидив преступлений, индивидуализация уголовной ответственности / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 12-1. – С. 326-333.
10. Семенова, В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства / В. В. Семенова // Россия реформирующаяся. – 2004. – № 4. – С. 157-170.
11. Allen C. H. et al. Hemodynamic activity in the limbic system predicts reoffending in women // NeuroImage: Clinical. – 2022. – Т. 36. – С. 103238.
12. Blair R. J. R. Neuro-cognitive systems that, when dysfunctional, increase aggression risk and the potential for translation into clinical tools // Aggression and Violent Behavior. – 2024. – Т. 79. – С. 102007.
13. Denno D. J. Neuropsychological and early environmental correlates of sex differences in crime // International Journal of Neuroscience. – 1984. – Т. 23. – №. 3. – С. 199-213.

14. Gibbs W. J., Beaver K. M. Childhood dietary factors are associated with maternal characteristics and sex-specific changes in neuropsychological deficits: a criminological assessment // *Journal of Criminal Justice*. – 2026. – T. 103. – C. 102613.
15. Graber J. A., Petersen A. C. Cognitive changes at adolescence: Biological perspectives // *Brain maturation and cognitive development*. – 2017. – C. 253-280.
16. Mens J. et al. Using physiological biomarkers in forensic psychiatry: a scoping review // *Frontiers in Psychiatry*. – 2025. T. 16. – C. 1580615.
17. Swaab H., Meynen G. Neurotechnology to reduce recidivism: Ethical and legal challenges. – 2023.
18. Denson T. F. et al. A Meta-Analysis of the Effects of Transcranial Direct Current Stimulation on Anger and Aggression // *Aggressive Behavior*. – 2025. – T. 51. – №. 4. – C. e70036.

Interpretation of Age-Related Aspects of Female Recidivist Delinquency in the Penitentiary System and Post-Penitentiary Resocialization

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Vassiliana A. Novikova-Slabkaya

Student of the Institute of Pedagogy and Psychology,
Moscow Pedagogical State University,
119991, 1/1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vassiliana07@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to a critical revision of the cognitive value of chronological age as a universal determinant of unlawful behavior in the context of female recidivist delinquency. The inconsistency of explanatory models is argued, and the necessity of transitioning to a systemic paradigm integrating data from neurocognitive research, psychiatry, and social psychology is substantiated. The need to abandon unified approaches to the resocialization of convicted women is justified; it is demonstrated that age cohorts (young, middle, and late reproductive periods) possess significantly different criminogenic profiles, motivational structures, and rehabilitation potential.

The work reveals nonlinear effects of age dynamics for the groups of 18–25, 30–45, and over 50 years. The obtained results explicate the need to develop age-differentiated and gender-sensitive interventions in the penitentiary system and post-penitentiary resocialization.

For citation

Novikov A.V., Slabkaya D.N., Novikova-Slabkaya V.A. (2026) Interpretatsiya vozrastnykh aspektov zhenskoy retsidivnoy delinkventnosti v sisteme ispolneniya nakazaniy i postpenitentsiarnoy resotsializatsii [Interpretation of Age-Related Aspects of Female Recidivist Delinquency in the Penitentiary System and Post-Penitentiary Resocialization]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 230-239. DOI: 10.34670/AR.2026.33.99.021

Keywords

Female recidivist crime, age dynamics, neurocognitive changes, gender-specific factors, motherhood, digital divide, transgenerational transmission, age-differentiated interventions, post-penitentiary resocialization.

References

1. Batyrshina, A. R. Istoriko-psihologicheskij obzor koncepcij periodizacii rannej vzroslosti v istorii psihologii / A. R. Batyrshina, I. I. Sharafieva // *Gumanizaciya obrazovaniya*. – 2023. – № 3. – S. 15-27. – DOI 10.24412/1029-3388-2023-3-15-27.
2. Elagina, A. S. Vliyanie investitsij v uluchshenie penitentsiarnykh uchrezhdenij na uroven' povtornoj prestupnosti: meta-analiz zarubezhnykh issledovanij / A. S. Elagina, A. V. Novikov // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. – 2025. – T. 15, № 8-1. – S. 590-597. – DOI 10.34670/AR.2025.35.74.064.
3. Kosyachok, P. D. K voprosu o kriminal'noj subkul'ture i kriminal'noj zarazhennosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah dlya osuzhdennykh zhenshchin / P. D. Kosyachok, D. Yu. Stepanova // *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii*. – 2021. – № 2(8). – S. 39-44.
4. Malenova, A. Yu. Social'no-psihologicheskie faktory preodoleniya materyami krizisa separacii: gendernyj aspekt / A. Yu. Malenova, Yu. V. Potapova // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psihologiya*. – 2012. – № 2. – S. 43-48.
5. Modeli gendernoj delinkventnosti / E. M. Dzyuman, S. B. Celikovskij, T. A. Kotova, O. Yu. Mihajlova // *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*. – 2012. – T. 9, № 3. – S. 41-48.
6. Miryukova, M. A. Sociologicheskij analiz podrostkovoj delinkventnosti v kontekste social'nykh institutov: po materialam sociologicheskogo issledovaniya / M. A. Miryukova, S. G. Terskova // *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*. – 2020. – № 3(71). – S. 50-56. – DOI 10.24158/spp.2020.3.6.
7. Moskvitina, M. M. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie beremennykh osuzhdennykh. Primernaya programma individual'noj raboty / M. M. Moskvitina, B. G. Bovin, A. V. Novikov // *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. – 2021. – T. 10, № 4-1. – S. 148-157. – DOI 10.34670/AR.2021.24.92.008.
8. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Specifika osuzhdennykh zhenskogo pola, otbyvayushchimi nakazanie za prestupleniya terroristicheskoy i ekstremistskoj napravlenosti // *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. 2019. T. 8. № 5-1. S. 143-148. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.007
9. Novikov, A. V. Recidiv prestuplenij, individualizaciya ugolovnoj otvetstvennosti / A. V. Novikov // *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. – 2024. – T. 14, № 12-1. – S. 326-333.
10. Semenova, V. V. Vozrast kak social'nyj resurs: vozmozhnye istochniki social'nogo neravenstva / V. V. Semenova // *Rossiya reformiruyushchayasya*. – 2004. – № 4. – S. 157-170.
11. Allen C. H. et al. Hemodynamic activity in the limbic system predicts reoffending in women // *NeuroImage: Clinical*. – 2022. – T. 36. – S. 103238.
12. Blair R. J. R. Neuro-cognitive systems that, when dysfunctional, increase aggression risk and the potential for translation into clinical tools // *Aggression and Violent Behavior*. – 2024. – T. 79. – S. 102007.
13. Denno D. J. Neuropsychological and early environmental correlates of sex differences in crime // *International Journal of Neuroscience*. – 1984. – T. 23. – № 3. – S. 199-213.
14. Gibbs W. J., Beaver K. M. Childhood dietary factors are associated with maternal characteristics and sex-specific changes in neuropsychological deficits: a criminological assessment // *Journal of Criminal Justice*. – 2026. – T. 103. – S. 102613.

-
15. Graber J. A., Petersen A. C. Cognitive changes at adolescence: Biological perspectives // Brain maturation and cognitive development. – 2017. – S. 253-280.
 16. Mens J. et al. Using physiological biomarkers in forensic psychiatry: a scoping review // Frontiers in Psychiatry. – 2025. T. 16. – S. 1580615.
 17. Swaab H., Meynen G. Neurotechnology to reduce recidivism: Ethical and legal challenges. – 2023.
 18. Denson T. F. et al. A Meta-Analysis of the Effects of Transcranial Direct Current Stimulation on Anger and Aggression // Aggressive Behavior. – 2025. – T. 51. – №. 4. – S. e70036